

ЛЕВАНТИЕЦ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ИТАЛЬЯНЦА (XIII—XV ВВ.)

Тема представлений европейского общества об иноверцах, или шире — о чужеземцах, в эпоху средних веков довольно нова. Лишь недавно она нашла отражение в дискуссии византинистов¹. Однако там, по преимуществу, рассматривались господствующие модели «образа иного мира», идеологически трансформированные. К тому же, анализировались представления об иных этнических группах, сложившиеся в условиях совместного сосуществования в «своем мире». Однако совершенно очевидно, что «образы другого» у различных социальных слоев и групп далеко не тождественны; и уж тем более, эти «образы» отличны у европейцев, постоянно проживающих в иной этнической среде, в частности на Востоке. А ведь именно они должны были сыграть определяющую роль в преодолении западных стереотипов сознания.

В своем небольшом очерке я думаю обратиться к анализу представлений итальянца, действовавших на Востоке, о его (Востока) жителях. Мне бы хотелось приблизиться к уяснению смысла коррекции, даже переворачивания, традиционной модели восточного общества, существовавшей на Западе до эпохи крестовых походов, до открытия Востока, смысла последующей мифологизации его образа.

В христианской топографии, так как она предстает в знаменитом сочинении Космы Индикоплова (VI в.) и в последующих маппе мунди, Восток отождествлялся с узилищем двух отдавшихся дьяволу народов Гог и Магог. В эсхатологических воззрениях средневековья им отводилась мрачная роль: сразиться в Армагеддоне на стороне сатаны. До поры до времени эти народы, как и сам сатана, были заключены за Железными Вратами. Понимание Востока как страны дьявола налагало табу на всякое контактирование с ним. Мифологема Железных Врат была одной из детерминант средневекового сознания европейца; она сообщала спокойное и гарантированное от вмешательства темных сил самочувствие. Только впоследствии, когда Восток был открыт, Железные Врата оказались отожд-

дествленными с Дербентом. В дальнейшем, по мере пространственного освоения Востока, Железные Врата как граница познанного и непознанного, за которой мог начаться Ад, должны были всякий раз отодвигаться до гор в Индии, до гор в Китае².

Едва ли есть основания вслед за некоторыми культурологами приписывать раннесредневековому менталитету Европы сопологание Востока и Рая, которое признавало возможность достижения райской жизни простым перемещением в пространстве. Действительно, дихотомия Восток—Рай нанизывалась на авторитет Библии. Но ведь библейский текст понимался в средние века не в историческом, но в аллегорическом смысле. Более определяющее воздействие на сознание раннего средневековья оказала ставшая каноном «Топография» Индикоплова. Согласно ей, Рай находился на антихтоне, на изнаночной стороне Земли³. Гораздо позднее, с крестовых походов, Рай начинают упорно отыскивать по эту сторону. Средневековые карты и нарративные источники XIII—XV вв. помещают его то в Индии, отгораживая огненной стеной, то еще восточнее, то на островах южных морей⁴.

Итак, для раннего средневековья Восток выступал в первую очередь как низ сакрального пространства, как преисподняя. Именно поэтому, Восток со времен Гая Плиния Старшего (I в. н. э.) и Гая Юлия Солина (III в. н. э.), сведения которых составили как бы иконостас географического знания средних веков, заселялся народами, лишенными человеческого облика, едва отличимыми по своим обычаям и нравам от животных. Это и безголовые существа с глазом посередине груди; это и одноногие дивы; это и антропофаги, этакие неведомые кентавры, питавшиеся мясом и кровью людей; это и кинокефалы, ибо «песьи у них головы и лица; одежда их звериная шкура, а голос — лай собачий»; это и ихтиофаги, кои «питаются только рыбами и пьют соленое море», и прочие паразиты. Образы подобных монстров можно встретить на картах мира XIII—XV вв., и даже на более поздних, как например, на карте Джерардо Меркатора XVI в., когда знания о мире более чем удвоились. Они не отпускали и великих визитаторов XIII в. — Плано Карпини и Марко Поло, много видевших воочию, и даже путешественников XV—XVI вв., как например Джованни Галлифонтский и Джорджо Интерьяно, когда, казалось бы, утверждался рациональный тип мышления⁵.

Однако, в зрелое средневековье происходило одно очень существенное изменение: образы всех этих чудовищ, не исчезая совсем, вытесняются за пределы познанной европейцами ойкумены. Безголовые существа, якобы жившие у самых Железных Ворот, оказались кавказцами, имевшими обычай носить бурки с высоко подня-

тыми плечами. За одноногие существа, как будто жившие за Гангом, были ложно восприняты индийцы, укрывавшиеся от яркого солнца зонтом на высокой ножке⁶. Антропрофагами, традиционно помещавшимися сразу за Железными Воротами, оказались кочевники кыпчацкой степи, неделями не спускавшиеся с коней, верхом решавшие политические, судебные, торговые и иные дела, на коне утолявшие голод и жажду, имевшие привычку класть под седло сырое мясо, отбивая и разогревая его таким необычным для европейца способом; они как бы срослись с конем, являя Западу облик кентавра. За кинокефалов, живших как будто далеко к северу от Понта Эвксинского, были приняты угорские народы Севера и Сибири, одевавшиеся в одежды мехом наружу. Ихтиофагами были окрещены коренные народы Дальнего Востока к северу от Китая. Как только подобные идентификации оказались возможными в XIII—XV вв., образы большинства этих неведомых чудовищ как бы мигрировали на периферию земли, на недостижимые острова океанов, в недоступные горные и приполярные области. Псоголовцы, к примеру, стали отскакивать не за Аланией и Волжской Булгарией, а на островах Индийского океана⁷.

Конечно, было бы упрощением считать, что Восток сразу, как только он открылся взору европейца, получил идеологическую реабилитацию. В нарративных источниках XIII—XV вв., как конфессионального, так и светского происхождения, немало оценок левантийского общества, восходящих к традициям христианской топографии. Достаточно обратить внимание на ту реакцию, которую у западных авторов XIII—XV вв. вызывал внешний вид некоторых народов Востока, в особенности отсутствие одежды, черный цвет кожи, облаченность в шкуры. Достаточно обратить внимание на те эмоции, которые появились у латинянина при соприкосновении с обычаями ритуальных убийств, каннибализма, группового брака и др.

Безобразность, в соответствии с традициями христианства, была отличительным признаком народов, не ведавших единого бога—Христа, потому и лишенных его подобия и образа, чаще всего народов, оказавшихся во власти дьявола. Нагота воспринималась как кара, уготованная жителям преисподней. Черный цвет кожи всегда вызывал в памяти средневекового европейца образ черта, а шкуры — образ зверя, который, в этом убеждают средневековые «диалоги миракулорум», выступал одной из первейших ипостасей все того же дьявола.

Традиционализм нарративных источников XIII—XV вв. достаточно определенно обнаруживается при их сопоставлении с источниками раннего средневековья, особенно если иметь в виду характеристику завоевателей, пришедших с Востока. Как дьявольская си-

ла, обрушившаяся из-за Железных Ворот, воспринимались гунны. Они, по словам Аммиана Марцеллина (IV в.), — «...с виду чудовищны и до того сутоловаты, что их примешь за двуногих животных...». Они, вторит ему Иордан (VI в.), — «...малорослы, грязны и гнусны, едва похожи на людей»⁸. Инфернальная природа гуннов проступала в самой символической этимологии их имени, они вышли из преисподней, от сочетания нечистого духа с ведьмами, именовавшимися алиорумнами, то есть другим; не-людьми⁹. Таким же образом воспринимались арабы, вторгшиеся в Испанию и Италию. И точно так же характеризовались в XIII в. татары. В переписке пап с христианскими миссиями на Востоке они именовались не иначе как дети Антихриста, исчадие Ада¹⁰. Собственное их название было совершенно определенным: tartari — дети Тартара, царства мрака и смерти. Той же мерой в конце XIII в. Марко Поло определял чернокожее население Занзибара: «...с виду совсем чудовища... за черта сочтешь», или Джордано Каталани из Северака в 1329 г. — племена Центральной Индии: «...с виду сущие исчадия Ада»¹¹. Тот же автор такими словами характеризовал положение Северной Индии: «И сдается мне — именно в этой первой Индии (области Пакистана и Гуджарата — А. Е.) начинается иной свет, ибо мужчины и женщины здесь все сплошь черные и нет у них никакой одежды, кроме лоскута хлопчатой ткани, обернутого вокруг чресел»²¹. Другой итальянец Джованни Мариньолли, побывавший в Индии и Китае в середине XIV в., использовал для описания цейлонских племен словесные формулы, привлекавшие на Западе обычно в приложении к демонам: «И лик у них столь ужасный и косматый, что они на любого наводят страх»¹³. Упоминаниями о звероподобии сопровождалось повествование итальянских авторов о культуре, обычаях и быте левантийцев. «Царя тут нет и народ словно звери», — так писал Поло о племенах Индокитая. Почти той же фразой он высказался о народах «страны Тьмы» (Сибири — А. Е.)¹⁴. «Нет у них ни закона, ни письма, ни книг», — писал, даже искажая истину, в начале XIV в. Джованни Монтекорвино о индийцах¹⁵. Как о «скотстве» говорил в 1330 г. Одорико да Порденоне, описывая обычай ритуальных убийств, человеческих жертвоприношений, сожжений жен над прахом мужей, рассказывая о полигамии индийских племен. «Многие из тяжких, по-нашему, грехов они вовсе и за грех не почитают, живут по-скотски»; «Плотский грех за грех не считают», — писал другой итальянец, наблюдая обычай некоторых племен Индии и Индокитая¹⁶. В сравнениях с животными изображался характер пищи левантийцев, в особенности экзотической, не совпадавшей со вкусами европейца. Так сообщали итальянские авторы об употреблении в пищу народами Востока насекомых, змей, крыс

и прочих тварей, о традициях сыроедения. Словами полного неприятия сопровождался рассказы об обычаях поедания тел умерших, каннибализма, испитии крови. «Едят они всякое мясо, и собачье, и всяких диких зверей, и вообще всех животных. Христианин ни за что в свете не стал бы этого есть». — писал Поло о народах, обитавших близ Ханчжоу¹⁷. У Одорико сравнение нравов индийцев с животными приобретало даже невыгодную для людей форму. «Если мертвую собаку дать собаке живой, то она не станет есть; так почему же такое творите вы, по видимости наделенные разумом?» — обращался он с вопросом к участникам пира, только что с великим ликованием и пением съевших тело умершего родственника¹⁸.

Стереотип «образа врага» всякий раз возникал при оценке конфессиональной принадлежности. Даже восточные христиане, рассматривавшиеся как возможные союзники католической церкви на Востоке, характеризовались довольно напряженно. Между ними, несмотря на возможность достижения унии, как это было с сирийской при Мар Ябалахе III (1280) и киликийской при Хетуме II (1289) церквами, существовали глубокие, причем не только догматические противоречия. Католические миссии должны были испытать и соперничество за влияние, и различные препятствия, и открытые гонения со стороны несториан, якобитов, маронитов и других ответвлений восточного христианства. Атмосферу враждебных отношений с восточными христианами передают письма Джованни Монтекорвино — католического архиепископа Ханбалыка, всего Востока, и викария Татарии, крупнейшей провинции францисканского ордена. О том же свидетельствует и судьба доминиканца Северака, побитого камнями несторианами Тханы.

Язычники Востока воспринимались как недоразвитые народы, подпавшие под власть дьявола. По мысли европейца XIII—XV вв. их можно и должно спасти посредством духовного крестового похода, миссионерства, функции которого были возложены на францисканский и доминиканский ордена. По поводу языческих воззрений народов Востока итальянские авторы хранили обет молчания. «Об этом не нужно и говорить»: «христианину и слушать об этом не стоит». — вот наиболее употребимые обороты, всякий раз возникавшие, как только дело доходило до повествования о ритуальных поклонениях духам и т. п. Нередкими были обвинения в связях с дьяволом тех племен, которые придерживались «идолопоклоннических» культов. «С вражьей помощью колдуют они и творят неслыханные и невиданные чудеса». — сообщается, например, о тибетцах; таким же образом говорится о японцах¹⁹. Такое же тяжкое обвинение ложилось на некоторые кавказские роды, замеченные в почитании

культы Дианы, связанного с человеческими жертвоприношениями и испитием крови²⁰.

Мусульмане почти всегда изображались в образе врага. «Народ молится Муххамеду — злые разбойники», — вот наиболее характерное определение, использовавшееся итальянскими писателями XIII—XV вв. в применении к народам Ирана, Средней Азии и других областей. «То люди храбрые и злые, ограбить купца они не задумаются», — утверждалось о мусульманах Мосула. «Сарадины из Ториса (Тебриз — А. Е.) народ нехороший, злой», заявлялось в другом месте. «У сарадин... считался позволенным любой грех, в том числе — убийство человека не их закона». — делалось более широко заключение в «Книге» Марко Поло²¹. Символом зла стала исмаилитская секта асасинов, само название которой утвердилось в романских языках как слово «убийца». Подобных характеристик, с использованием стереотипных оценок и сравнений, можно привести еще больше. Но, пожалуй, и этого достаточно для некоторых заключений.

Во всех выше рассмотренных случаях обращает на себя внимание устойчивое, ставшее нормативным, использование одних и тех же словесных формул. Несомненно, они выступают как общепринятый риторический прием, как «локи коммуни», как следование традиционной христианской топике. Едва ли эти характеристики полностью отражают истинное отношение итальянца XIII—XV вв. к людям Востока.

Даже если допустить, что какие-то черты восточного общества оставались совершенно неприемлемыми для европейца, то и в этом случае они были вполне сопоставимы с явлениями, присущими средневековому Западу. Греки, да и вообще южане, не отличались ангельской белизной, тем не менее в них не видели воплощения дьявола. Народы Северной Европы, Руси имели весьма интенсивный волосной покров, но это не воспринималось как звероподобность. Итальянцы охотно поедали водяных змей, а французы устриц, но это не вызывало негодования. Европейцы в отдельные годы не гнушались человеческого мяса, а съедение сердца поверженного противника в рыцарском поединке не только не осуждалось, но героизировалось. В Италии XIV—XV вв. получил необычайное распространение нудизм, однако он не только не отверг, но вобрал в себя христианский идеал. Даже свобода половых отношений оказалась присущей не одному Востоку. Быть может, осуждение этих пороков в лице Востока выступало косвенным, иносказательным осуждением очевидной моральной деградации Запада.

Во всяком случае, очевидно, что Восток в XIII—XV вв. не столько подвергался критике, сколько заинтересованному описанию, до-

ходившему до открытой восторженности. Эта заинтересованность обнаруживается в случайных репликах, в полуосознанных фразах, в едва заметных штрихах. И внешний вид, и темная кожа, и дикие нравы находят свое оправдание.

Тому же Марко Поло не удается скрыть своего восхищения жителями Толомана, хотя цвет их кожи напоминал о преисподней («белыми не бывают»), а сами они закоснели в идолопоклонстве. «Они статны». — случайно проговаривается он о диких народах Северного Китая. Они «красивы, но в особенности женщины», — обнаруживает он потаенные восторги мусульманками Хорасана²². Даже воспитанный в духе ригористических традиций доминиканского ордена Северак, католический епископ в Куилоне, восклицал: «Сколько ни есть тут (в Индокитае — А. Е.) черных мужчин и женщин, все они красивы». Впрочем, ведь и престарелый архиепископ Монтекорвино не раз высказывал удивление телесной красотой индианок²³. Оказывается и страшные татары не чужды красоте. Марко Поло как-то обмолвился о редкостной миловидности женщин из татарского рода миграк, из которого великие кааны избирали себе жен²⁴.

Отсутствие одежды не только вызывало негодующие эмоции, но и скрытое любование и даже рациональное оправдание. Вот одно из высказываний итальянца конца XIII в.: «Во всей стране Маабар никто не умеет кроить и шить, круглый год люди ходят тут нагишом. Погода тут всегда славная, и не холодно, и не жарко, потому-то и ходят они голыми». Монах Одорико да Порденоне даже дал повод судить о превосходстве естественной восточной обнаженности перед бессмысленной европейской закупоренностью. Жители Суматры в полемике с ним привели весьма остроумную аргументацию в пользу наготы со ссылкой на библейские персонажи: «Надо мной они изрядно потешались, говоря, что раз уж бог создал Адама голым, то плохо я поступаю, нося одежду против воли божьей»²⁵. Но, что еще более важно, так это глубокое по проницательности и смыслу замечание итальянца: «Как другие, так и царь ходит»²⁶. То есть, отсутствие одежды оказывалось атрибутом свободных, а главное равных отношений в левантском обществе. Восток в этом смысле давал действенный образец эгалитарного отношения к одежде.

Несовпадение восточной семьи с западным идеалом «Святого семейства» вызывало далеко не однозначное отношение. Осуждение полигамии было только внешним следованием христианской морали. Итальянские путешественники довольно подробно описывают брачные традиции Востока. Им особенно imponировали обычаи гостеприимства восточных народов, когда гостю-иностранцу предоста-

влялось все, даже жена и дочери хозяина. Вот как, к примеру, описывалось отношение к гостям у тибетцев: «Придут сюда, скажу вам, иноземцы и раскинут палатки для побывки; тотчас старухи из деревень и замков приводят к ним дочерей, по двадцать, по сорок, и меньше, и больше, и отдают их странникам на волю, чтобы те жили с девками; а странники девок берут и живут с ними в свое удовольствие; держат при себе, пока там живут, но увозить с собою не смеют; а когда путешественник... захочет уходить, должен он ей подарить что-нибудь, какую-нибудь вещицу, чтобы девка могла, когда замуж выйдет, удостовериться, что был у нее любовник... и чем больше у девки подарков..., тем охотнее на ней женятся»²⁷. Далее, в порядке практических рекомендаций, автор добавляет, что приходиться сюда следует молодым, от шестнадцати до двадцати четырех лет. Здесь уже всякая христианская мораль оказывается отброшенной. В области Хами «гостям-иноземцам всегда очень рады; женам приказывают исполнять все желания иноземца, сами уйдут по своим делам и дня два—три домой не приходят, а гость там, что пожелает, то и делает с женою...». По поводу этого обычая даже возник конфликт с ханской властью, когда каан Мангу попытался запретить его. Жители всей области собрали великие дары и уговорили каана отменить свое решение, говоря, что «боги их любят за то, что иноземцам они отдают и жен, и всякое добро, и хлеба у них оттого много и всякий труд спорится»²⁸. В этом пересказе итальянец стремится понять и, следовательно, оправдать восточный обычай. Вне всякого сомнения, европейские путешественники, в особенности купцы, нисколько не осуждали такого своеобразного гостеприимства Востока и с успехом им пользовались. Очень сильное впечатление производили замечания такого рода: «в этой стране все женщины общие»²⁹. В этом отношении Восток давал весьма притягательный идеал сексуальной свободы, не сдерживавшейся ни религиозными, ни сословными, ни какими-либо иными ограничениями, очень болезненно переживавшимися на Западе.

Конфессиональные разногласия, вообще наиболее трудно преодолимые, дают основание не столько для осуждения Востока, сколько для осознания некоторых его преимуществ. Да, татары с 60-х гг. XIII в. официально придерживались ислама, враждебной с точки зрения католицизма идеологии. Но именно им принадлежит заслуга создания самой совершенной по тем временам системы коммуникаций от Китая до Европы, с великолепно отлаженной ямской службой, караван-базарами, инспекцией и охранными грамотами (пайцзы), той системы, которой предпочитали пользоваться все итальянцы, да и прочие европейцы. Монтекорвино прямо указывал на путь через страну «северных татар» (Золотая Орда — А. Е.) как на самый

удобный и безопасный. Франческо Пеголотти, отражая опыт многих итальянских купцов, бывавших на Востоке, подчеркивал, что «путь из Таны (Азов — А. Е.) в Китай — наиболее безопасен как днем, так и ночью». Имущество умершего купца, — заверял он, — передавалось на попечение территориального сеньора и затем возвращалось по искам родственникам³⁰. По другим сведениям, даже военные действия в татарских землях приостанавливались, давая проход иностранным купеческим караванам³¹. Оценка татар в конце XIII в. совершенно изменилась. Уже Марко Поло просто восхищается ими, он восхваляет Чингис-хана. В то время, особенно после того, как пала в 1291 г. последняя латинская крепость в палестинских землях, активно заговорили о восприимчивости татар к учению Христа, вспомнили о пресвитере Иоанне и его успехах, о христианстве матери великих каанов Мунке и Хубилая. Сам Чингис стал наделяться добродетелями христианского государя и приравнивался к библейскому Давиду. Тогда же в Ханбалыке была учреждена францисканская миссия и архиепископия, и первый ее предржатель — Дж. Монтекорвино — осуществил перевод Библии на татарский язык. Татары из врага стали превращаться в союзника, с которым связывались планы совершения «татарского крестового похода» на Иерусалим.

Отношения с арабским миром Восточного Средиземноморья официально продолжали оставаться в состоянии религиозной конфронтации, но и они подвергались изменениям. Уже Фридрих II Гогенштауфен устанавливал отношения с мусульманами не силой оружия, но путем заключения взаимовыгодных договоров, за что обвинялся в отступничестве от католической веры и обращении в ислам. Людовик IX Святой в результате мамлюкского переворота оказался перед уникальной возможностью сменить положение пленника на положение египетского султана. Даже позиция самого папства в отношении исламского мира подверглась эрозии. Издавая деветумы, то есть запреты на торговлю со странами мусульманского Востока, римские понтифики не столько боролись с преступной коммерцией, служившей усилению «неверных», сколько за монопольное присвоение прибылей от нее, превратив систему штрафов в особый тип лицензий. Встречались случаи, когда итальянские негоцианты заранее уплачивали пени, еще только намереваясь совершить плавание на Левант³². По-видимому, положение собственной церкви давало больше повода для критики, нежели слабость христианских устоев на Востоке. Может быть, этим объясняется тенденция перехода от католицизма к другим конфессиям. Пьер Абеляр, гонимый и преследуемый, всерьез собирался бежать в страны ислама и обрести там покой. Монах Пасхалий, побывавший в 30-х гг. XIV в. в Нижнем Поволжье, упоминал имя итальянца, принявшего ислам.

Амброджо Контарини, прошедший в 70-х гг. XV в. через Кавказ, встретил там некоего Никколло Капелло, придерживавшегося мусульманской веры³³. В Сирии и Палестине складывалась прослойка пулланов, происходивших от смешанных браков европейцев католиков и левантийцев-мусульман, религиозные воззрения которых уже определенно отличались от католических. В Константинополе, да и вообще в Византии, появилась социальная группа гасмулов, смешанного греко-латинского происхождения, потомки которых нередко делали выбор в пользу восточного христианства. На Кавказе поселились франки-кардасы, или иначе итало-черкесы, довольно долго сохранявшие итальянский язык, но придерживавшиеся религии грузин.

Самое значительное преимущество религиозной ситуации на Востоке состояло в его конфессиональной свободе, толерантности. «Каждому дозволено исповедовать свою веру, ибо держится тут мнение... будто каждый найдет спасение в своей религии», — писал Андреа да Перуджа в 1326 г. из Зайтона. «Каждый мог свободно придерживаться той веры, которая ему нравилась», — подтверждал Иосафат Барбаро в середине XV в., отражая ситуацию в Золотой Орде³⁴. И подобные оценки можно встретить почти у каждого итальянца, оставившего письменные свидетельства о восточных странах. В этом смысле Восток разительно контрастировал с Западом, где утверждалась религиозная нетерпимость, где всякое отклонение от ортодоксии подвергалось гонениям и преследованиям как ересь. Приведенные характеристики обретали значение идеала духовной свободы, присущей Востоку.

Но подлинным открытием оказалось колоссальное преимущество иноверного Востока в том, что на Западе со времен античности именовалось цивилизацией. Даже общества с примитивной на первый взгляд политической и социальной организацией имели достижения в решении очень многих проблем, прежде всего продовольственной. Какой-нибудь народ Индии, не имевший «ни царя, ни закона», «...верен слову и весьма справедлив; вольности свои исконные хранит...». Народы Китая, Татарии, как будто изнывавшие от деспотической власти, получали и наибольшие гарантии обеспеченного существования от государства. «Великая Татария» оказывается «очень справедлива»; в другой восточной стране — «суд правит сам царь, и везде, во всем царстве, можно ездить без опаски»³⁵. Об исключительно совершенной системе передвижений в татарском государстве уже отмечалось. Вообще монголо-татары, как будто не доросшие до создания городов и крепостей, оказались народом с весьма развитым обменом, ремесленным и аграрным производством. «В их войске, — сообщал Барбаро, — есть ремесленники — ткачи, куз-

нецы, оружейники и другие, и вообще есть все необходимые ремесла». Тот же автор оставил уникальное свидетельство высокопродуктивного сельского хозяйства у татар: урожай пшеницы у них, по его словам, достигал сам-пятьдесят, «причем она высотой равна ладуанской», а урожай проса — сам-сто³⁶. К градостроительству, особенно в европейском понимании — с обязательными фортификационными сооружениями, татары относились глубоко по-своему, не как к проявлению высокой цивилизации, но как слабости и беспомощности. Вот как это отношение отразилось в рассказе итальянца XV в.: «За исключением того, что их станы не окружены стенами, — они представляются нам огромнейшими и красивейшими городами. В связи с этим скажу следующее: однажды, когда я находился в Тане, где над воротами была очень красивая башня, около меня стоял один купец-татарин, рассматривавший эту башню; я спросил его: «Не кажется ли тебе эта вещь замечательной?». Он же, взглянув на меня и усмехнувшись, сказал: «Ба! Кто боится, тот и строит башни!»³⁷. В татарской империи уровень производства был таков, что государство могло взять на попечение значительную часть малообеспеченного населения. «Всякий, кто не может добыть себе на жизнь, вправе, если он того пожелает, до конца дней своих получать пищу и одежду от царя», — свидетельствовал путешественник XIV в. Там хан бесплатно раздавал продовольствие, хлеб, скот и птицу пострадавшим от стихийных бедствий, отмечал другой автор. Причем в раздачах хан «щедрее всех государей, какие только есть на свете», — добавлял еще один свидетель³⁸. Как эти отношения контрастировали с европейской реальностью, с постоянным ростом поборов и ренты во всех формах!

Восточные города поражали итальянца своими масштабами, многочисленностью своего населения, благосостоянием и богатством, редкими коммуникативными возможностями. Что говорить, если какой-нибудь Гиемо, небольшой, мало кому известный городок, столь велик, что его не пересечешь на коне за день. У одного хана в подчинении 200 городов, превосходящих размерами Тулузу. А такой гигант как Ханчжоу, по свидетельству Марко Поло, достигал в окружности 100 итальянских миль. Только каменных мостов в этом городе насчитывалось 11 тыс. А каков должен быть Ханбалык, если в нем одних «жен, что за деньги людям служат» 20 тыс. Ни в какое сравнение с Западом не идет товароборот восточных городов. Один Тавриз, по оценке Одорико, давал дохода больше, чем вся Франция. В Ханчжоу только налог с пряностей приносил казне ежегодный доход в 15 700 тыс. сайе, где сайе имел достоинство большее, чем флорин; если допустить величину налога в 5%, то объем торговли превысит 300 млн. Насколько велика эта цифра может по-

казать, например, сравнение с Пизой, объем экспорта-импорта которой составлял менее 1 млн. лир. Мощностъ восточных портов была просто фантастической. В среднем по размерам, портовом городке Ичжен останавливалось 5 тыс. судов, грузоподъемностью до 500 т. А в знаменитый порт Зайтон, вдвое превышавший Рим, прибывало судов в соотношении 100:1, в сравнении с Александрией. Это были арабские, индийские, китайские, японские суда. Только сарацинских купцов туда прибывало 40 тыс.³⁹. В том изумлении и восхищении, которое выказывают итальянские путешественники XIII—XV вв., повествуя о достижениях Леванта, уже не остается и тени от прежнего традиционного восприятия Востока как Ада, как царства Антихриста. Увиденные итальянцами преимущества Востока в уровне цивилизации послужили основой для создания нового мифа, мифа об идеальном общественном устройстве, с характерными для него свободой, равенством и изобилием.

Итак, первоначальное понимание Востока как враждебной стороны, от которой исходила постоянная угроза, и которая на благо христианам отделялась Железным Засовом, совершенно переосмысливается в дальнейшем, вскоре после крестовых походов, в ходе освоения левантйского беспределья XIII—XV вв. Если у итальянских авторов этого времени можно найти отрицательные оценки Востока как враждебной силы, то это должно пониматься как результат воздействия официальных идеологических установок, несомпадение с которыми посылно обнаружить только на ментальном уровне. В XIII—XV вв., под воздействием реального знакомства с Востоком, его образ диаметрально изменяется. У итальянских авторов обнаруживается превознесение демократизма восточного общества, равноправия в одежде, пище, быту, тогда как на Западе ношение тех или иных атрибутов одежды, фасон платья, цвет и фактура ткани, употребление отдельных продуктов питания, тип жилища и его местонахождение были детальнейшим образом регламентированы в соответствии с принадлежностью к высшему или низшему сословию, к привилегированной или непривилегированной корпорации. Превозносились демократизм и свобода брачных отношений, тогда как на Западе заключение брака обставлялось и особой процедурой оформления, и материальными обязательствами, и требованием нерасторжимости брака, сопровождавшегося к тому же религиозными, словесными, корпоративными и иными ограничениями, которые были непреодолимы для основной массы Европы, но из которых всегда делались изъятия для высших сословий. Одобрялась свобода общения между полами, которая на Западе преследовалась церковью, но которая фактически была достоянием и элиты, и самой церкви. Немало восторгов вызывали обычаи восточного гостеприимства. Осо-

бенно высоко ценилась духовная свобода Востока, свобода вероисповедания, тогда как на Западе даже христианское учение не подлежало комментированию, а чтение Библии было привилегией клира, не говоря уже о преследованиях всякой духовной самостоятельности, всякого инакомыслия. Наконец, полное удивление вызывал «уровень жизни» людей Востока, где не могло быть пауперов и изгоев, ибо само государство брало попечительство о бедных; где всего было вдоволь, где даже манна сыпалась с небес⁴⁰. Думается, что постоянное мысленное сопоставление увиденного на Востоке с аналогичными отношениями на Западе, именно контраст с Западом, вели к удивительной невосприимчивости итальянских авторов реальных сложностей в восточном обществе, к идеализации Востока. Восток явно превращался в миф, в возможную альтернативу разрываемому противоречиями Западу. В конечном счете идеализация всех отмеченных сторон жизни на Леванте вызывала непреодолимую тягу к нему. Только этим может быть объяснена невиданная по масштабам волна миграции на Восток, охватившая купцов, предпринимателей, колонистов, миссионеров.

Примечания

1. Византийский временник.—М., 1987.—Т. 48.—С. 10—11.
2. Поло М. Книга/Пер. со старофр. И. П. Минаева.—М., 1955.—Гл. 23; Клавихо Р. Г., де. Дневник путешествия ко двору Тимура в Самарканд в 1403—1406 гг./Текст, пер., примеч. И. И. Срезневского//Сб. отд. русского языка и словесности АН.—СПб., 1881.—Т. 28. — № 1.— С. 230.
3. Гукова С. Н. К вопросу об источниках карты мира Козьмы Индикоплова//Проблемы социальной истории и культуры средних веков.—Л., 1986.— С. 65—66.
4. Santarem M.F. Atlas compose de mappemondes. — P., 1842.—Fol. 32, 59; Mappa mundi, 1284//Средневековье в его памятниках.— М., 1913. — Прилож.; Мариньолли Дж. Хроника//После Марко Поло: Путешествия западных чужеземцев в страны трех Индий/Пер. с лат. и старонит. Я. М. Света. — М., 1968. — С. 200.
5. Santarem M. F. Op. cit.; Mappa mundi; Mercator G. Atlas minor.—Amsterdami, 1631; Golubovich G. Biblioteca bio—bibliografia della Terra Santa e dell'Oriente francescano.—Firenze; Quaracchi, 1906.— Т. 1. — P. 402—403; Галонифонтибус Иоанн, де. Из соч. „Книга познания мира“/ Пер. с англ. З. М. Буниятов. — Баку: Элм, 1980. — С. 15—16.
6. См.: Мариньолли Дж. Хроника, с. 208.
7. Polo M. Il Libro. — Torino, 1974. — § 172.
8. Стасюлевич М. М. История средних веков в ее писателях. — СПб., 1863. — Т. 1. — С. 285.
9. Там же.
10. Golubovich G. Op. cit. — Т. 2. — P. 327—337.
11. Поло М. Книга, гл. 192; Северак Ж., де. Чудеса// После Марко Поло. — С. 149.
12. Там же. — С. 140.
13. Мариньолли Дж. Хроника. С. 207.
14. Поло М. Книга. — Гл. 171, 217.
15. Golubovich G. Op. cit. — Т. 1. — P. 308.

16. Одорико. Восточных земель описание// После Марко Поло. — С. 179, 185; Поло М. Книга. — Гл. 62; Golubovich G. Op. cit. — Т. 1. — Р. 309.
17. Polo M. Il Libro. — § 70, 75, 118, 152, 155, 167.
18. Одорико. Восточных земель описание. — С. 188.
19. Поло М. Книга. — Гл. 116, 161.
20. Галдонифонтибус И., де. Книга познания мира. — С. 19, 24.
21. Поло М. Книга. — Гл. 26, 33, 46, 85, 24.
22. Там же. — С. 70, 81, 93, 146.
23. Северак Ж. де. Чудеса. — С. 145; Golubovich G. Op. cit. — Т. 1. Loc. cit.
24. Polo M. Il Libro. — § 82.
25. Поло М. Книга. — Гл. 174; Мариньолли Дж. Хроника. — С. 203; Одорико. Восточных земель описание. — С. 182.
26. Поло М. Книга. — С. 183.
27. Там же. — Гл. 115.
28. Там же. — Гл. 59.
29. Одорико. Восточных земель описание. — С. 182.
30. Golubovich G. Op. cit. — Т. 1. — Р. 303; Pegolotti F. B. La pratica della mercatura/ Ed. by A. Evans. — Cambridge Mass., 1936. — Р. 22.
31. Spuler B. Die Goldene Horde: die Mongolen in Russland 1223—1502. — Wiesbaden, 1965. — S. 389.
32. Balbi G. Deroghe papali al „devetum“ sul commercio con l'islam// Rassegna degli Archivi di Stato. — Roma, 1972. — An. XXXII. — № 3. — Р. 521—533.
33. Хеннинг З. Неведомые земли. — М., 1962. — Т. 3. — С. 214; Контарини А. Путешествие в Персию/ Пер. с ит. Е. Ч. Скржинской// Барбаро и Контарини о России. — Л., 1971. — С. 215.
34. Wadding L. Annales minorum. — Quaracchi, 1932. — Т. VII. — Р. 61; Барбаро И. Путешествие в Тану/ Пер. с ит. Е. Ч. Скржинской// Барбаро и Контарини о России. — С. 140.
35. Северак Ж., де. Чудеса. — С. 144, 154; Одорико. Восточных земель описание. — С. 182, 186.
36. Барбаро И. Путешествие в Тану. — С. 147, 150.
37. Там же. — С. 148.
38. Поло М. Книга. — Гл. 99, 103, 104; Северак Ж., де. Чудеса. — С. 154—155.
39. См.: Поло М. Книга. — Гл. 95, 147, 152, 155; Северак Ж., де. Чудеса. — С. 154, 155, 157; Одорико. Восточных земель описание. — С. 172, 188, 192.
40. См.: Северак Ж., де. Чудеса, с. 139: „между Персией и Малой Индией лежит земля, где выпадает очень много манны, и она бела, как снег, слаще всего, что сладко, и так питательна, что и поверить трудно“, здесь речь шла об отвердевшем соке тамариска.